

Книга с вырванными страницами

...«ЛУДИТЬ, паять, самовары, кастрюли, ведра чинить!» — разбил тишину тихого дворика зычный голос лудильщика. И из старых двухэтажных домов, обгоняя друг друга, устремились на зов хозяйки... Да... Чего только не почудится в этих старых московских двориках, куда я так часто прихожу укрыться от суеты и подышать воздухом минувшего. Но, к сожалению, таких уютных уголков в нашем городе становится все меньше и меньше. И порой, чтобы не заглушить в себе голос прошлого, нам приходится обращаться к искусству, которое бережно хранит историю нашего города. Для нас с вами.

...За раскидистыми ветвями могучего дуба и дома в темноте не различишь. Если бы не одно-единственное горящее в ночи окно. Больше на картине ничего нет. Дальше — дело за фантазией. Возможно, в квартире, перебирая пожелтевшие от времени фотографии, пределься воспоминаниям последний жилец, проживший в этих стенах всю свою жизнь и вынужденный теперь, оставив старый дом, переехать в одну из квартир современных многоэтажек... Вот и не спит-ся ему в последнюю ночь: не так-то просто, видно, расстаться с дорогими сердцу стенами, в которых столько всего было пережито...

Этот старый дом напоминает многие другие: с покосившимися оконными рамами, с дверями, закрытыми на засов, остатками ажурных чугунных лестниц, словно еще хранящих следы недавних ссехавших жильцов. Напоминает дома, которых уже нет...

Но эти листы Олега Гроссе, выставленные в зале на улице Горького, 46, успели остановить время и запечатлеть его приметы, донеся до нас дух эпохи, ее волнующее очарование...

«Ночное окно», «Снег», «Ворона», «Прощание». Простые сюжеты — только штрих в общей картине воспоминаний. Фигуры, изображенные художником, такие же эскизные и смутные, как на старых фотографиях. Они словно оставляют простор для собст-

венных размышлений, заставляют дорисовывать, домысливать... И вот уже восприятие становится личностным, поглощает нас, делая такими дорогими и близкими уголки старой Москвы, многие из которых мы уже не застали.

О. Гроссе не старается с документальной точностью воспроизвести исчезнувшие постройки, хотя листы выполнены по материалам старых зарисовок и набросков. Это скорее воспоминания, отражение отношения к такому дорожному сердцу художника прошлому...

— Мои детские и юношеские годы прошли на Красной Пресне, — рассказывает Олег Иванович. — Тогда, в сороковые—пятидесятые годы, каждый двор представлял собой какую-то особую живую систему. Игры в казаки-разбойники, в домино, танцы под патефон при свете фонаря... Сейчас все это ушло в прошлое. Нет уже и многих старых построек, которые вошли в мое детство чем-то добрым и светлым... И с годами чувство утраты, ностальгии по прошлому — все сильней и сильней. Художник не может оживить погибшее, но он может посредством своего искусства вызвать те ощущения, образы, связанные с тем или иным уголком старой Москвы...

Конечно, в том, что старые дома, не имеющие исторической ценности, сносятся, есть какая-то логика. Но когда нашу живую старину вытесняют безликие типовые здания — это больно. Наш город превращается в книгу с вырванными страницами...

Серия «Москва, которой уже нет...» знакома любителям графики по выставке «Старинные города», проходившей в 1984 году в Донском монастыре. А вот с циклом графических работ «Китай-город» художник знакомит нас впервые.

...Узкая каменная лестница в пять ступенек, дверь с амбарным замком. У притоки зажженный фонарь. У перил прислоненные к ним лопаты. Когда-то здесь жили люди, а теперь — маленькая строительная контора. Или длинный одноэтажный дом (видимо, бывший склад) с мно-

жеством обитых железом дверей. Грузовая машина, оставленная во дворе на ночь. Две кошки у лужи. И старый обшарпанный шлагбаум, перекрывающий подъезд к складу. Ничего, казалось бы, достойного отображения. Но красно-белый шлагбаум, один из характерных признаков прошлого нашего города, привлекает внимание. Опять воспоминания чего-то смутного и далекого, хотя в моем детстве я таких уголков уже не встречала.

Теперь уже нет замечательных стен Китай-города, построенного в начале XVII века Федором Конем. Исчезла с карты города старое Зарядье, утрачены многие ценные памятники — Казанский собор, церковь Николы Большой крест. И все-таки Китай-город остается одним из своеобразных уголков столицы, хранящим для каждого из нас много всяких неожиданностей: во дворе Никольской улицы спрятана церковь Успения, на Чижевском подворье — собор Заиконоспасского монастыря, в глубине Никитниковского переулка — церковь Троицы в Никитниках. Интересны дворы Китай-города, некогда места расположения деловых и торговых контор. Многие из них сохранились до наших дней и нашли отражение в работах Гроссе. Эта серия не просто воспроизведение старины. Это исследование, фиксирующее то состояние, в котором находится в настоящее время Китай-город. Вот почему одни и те же мотивы повторяются в разных ракурсах и при различном освещении.

НАДО ЛИ говорить, какую ценность имеют для нас графические работы Олега Гроссе. Художник вернул нам то, что так неосторожно и безжалостно было разрушено нашими же руками. Но это не только возвращение старины, это еще и предостережение. О том, что чудом сохранившаяся часть классической архитектуры тоже может стать только памятью. Берегите ее, словно говорит художник, не убивайте прошлое!

И. МАСТЫКИНА.